

ОН УМЕЛ ДЕРЖАТЬ ВЛАСТЬ НАД ЗАЛОМ

Он запомнился молодым. И потому что ушел из жизни в возрасте совсем не ассоциировавшихся со старостью пятидесяти семи лет. И по причине отсутствия солидности, выразившейся в стройности, подтянутости внешнего облика, в ироничном отношении к собственным творческим достижениям.

Хотя цену своим возможностям Захаров наверняка знал. Но стоило при Константине Федоровиче лишь приступить к рассуждениям о каких-то явных его удачах, как загоравшийся в глазах артиста лукавый огонек тут же сводил «на нет» весь пафос ситуации. И это обеспечивало легкость в общении с ним.

Но именно легкость, а не панибратство. Панибратства Захаров и в других не принимал, и себе не позволял. Ни с коллегами-артистами, ни со служащими технических цехов **Центрального театра Советской Армии**, в чью труппу был приглашен из знаменитого Новосибирского «Красного Факела».

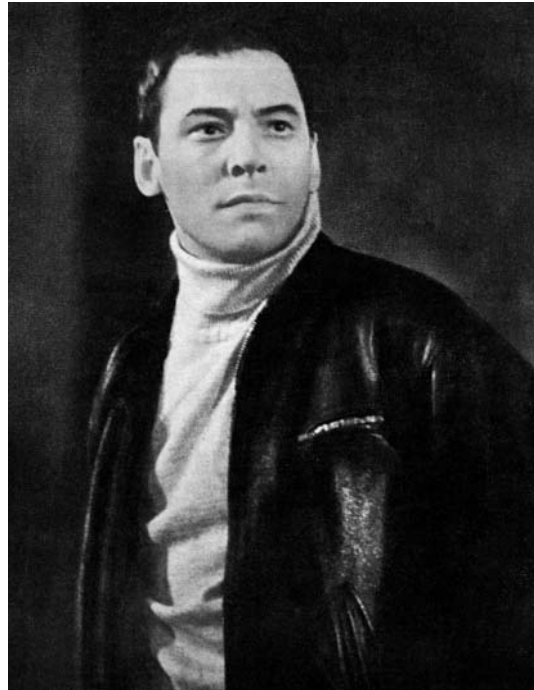
ЦТСА тогда руководил Андрей Алексеевич Попов, который, посмотрев спектакль «Тот, кто получает пощечины» в постановке Марии Кнебель и Александра Бурдонского с Захаровым в роли **Тота**, от этой самой роли отказался. Хотя он, Попов, и участвовал в премьерных представлениях драмы Л.Н. Андреева на Большой сцене армейского театра в 1972-м.

Константин Федорович тем поистине драгоценным, между прочим, раритетным для чрезвычайно эгоистичной актерской среды подарком дорожил. Ведь образ Тота с его внутренней, постепенно раскрывавшейся по ходу сюжета тайной как нельзя лучше соответствовал индивидуальности артиста, отличавшегося, если так можно выразиться, закрытым темпераментом, умением контролировать эмоции. А еще покоряла интеллигентность актерского «почерка» Захарова, его неиз-

менная психологическая точность (что, кстати, не исключало склонности к импровизации) в сочетании с интеллектуальным началом.

Причем, последнее проявлялось и там, где это было необходимо (к примеру, в серьезных, окрашенных в социальные тона ролях вроде причастного к политическим интригам **Бориса Годунова** в легендарном спектакле Леонида Хейфеца «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого или **Чешкова** в выпущенном в 1971-м Александром Шатриным «Человеке со стороны» И.М. Дворецкого или стойкого духом **Капитана корабля** в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского в датированной 1981-м режиссерской версии Павла Хомс-

«Человек со стороны». К. Захаров в роли Чешкова. ЦТСА

К. Захаров в спектакле «Чти отца своего». Театр «Красный Факел» (Новосибирск)

кого), и в комедийных работах Константина Федоровича. Скажем, в его **Леониде Папагатто** («Моя профессия — синьор из общества» Дж. Скарначчи и Р. Тарабузи в режиссуре того же Хомского, 1983), который в трактовке Захарова предстал и плутом, и незаурядной личностью с умом, достойным лучшего применения, нежели постоянные ловкие махинации, направленные на обман сильных мира сего, во имя благополучия близких. Или — в поручике **Ржевском** из спектакля «Давным-давно» А.К. Гладкова (в режиссерской редакции Алексея Попова), в поведении которого при всем предусмотренном жанром водевильном легкомыслии не наблюдалось и малейшего намека на пошлость, поэтому его никак нельзя было причислить к персонажам из многочисленных, подчас сомнительного вкуса анекдотов.

Как ни странно, но мужественному, не расположенному к сентиментальности Захарову приходилось, что называется, «к лицу» и пьесы «плаща и шпаги», и классическая мелодрама. Доказательством чего (судя по отзывам новосибирской прессы)

служил его **Теодоро** в «Собаке на сене» Лопе де Вега, «искренне, страстно и непосредственно» сыгранный в «Красном Факеле». И — **Жорж Дюваль** в «Даме с камелиями» А. Дюма-сына в ЦТСА (режиссер-постановщик Александр Бурдонский, 1984), не похожий на типичного театрального злодея, разрушавшего идиллию Армана и Маргариты Готье. Дюваль-Захаров был приверженцем традиционных семейных ценностей. Приверженцем убежденным и строгим. Но вместе с тем он сочувствовал Маргарите Готье — этой удивительной женщине, готовой пожертвовать своим счастьем ради благородной цели. Поэтому к Дювалю-Захарову нельзя было в итоге не проникнуться симпатией. Недаром сцена с его участием сопровождалась сосредоточенной, как будто «звнящей» тишиной.

Подобный дар держать власть над залом являлся еще одним важным свойством дарования артиста Константина Захарова. Конечно, хотелось бы, как в популярной песне, к слову «зал» добавить эпитет «переполненный». Однако, к сожалению, ЦТСА не всегда мог похвастаться аншла-

«Моя профессия – синьор из общества».
В роли Леонида. ЦТСА

«Дама с камелиями». В роли Дюваля. ЦТСА

гами. Но, тем не менее, отдача Захарова каждой роли независимо от ее объема была абсолютной.

Впрочем, могло ли быть иначе в случае с таким мастером сцены, каким был Константин Захаров, пользовавшийся искренним уважением в ЦТСА, коллектив которого естественно не остался равнодушным к вести о тяжелой болезни артиста.

С той поры прошло много времени, но по сей день нельзя забыть, как буквально весь театр замер в ожидании результатов контрольного медицинского обследования Захарова. Как все опасались лишний раз обращаться с вопросами к супруге Константина Федоровича — талантливой, недооцененной и, увы, тоже уже покойной актрисе Ксении Алексеевне Кудряшовой. Как радовались, узнав о том, что борьба с недугом увенчалась успехом, и Константин Захаров снова будет «в строю».

Это событие действительно произошло. И в кулисах собирались люди, чтобы поддержать Константина Федоровича, который со

временем вернулся не только к своим эпизодическим ролям, но и к главным.

Но, вероятно, организм не вынес напряжения, отреагировав на него новым рецидивом опасного и, как выяснилось, рокового заболевания. И 3 июля 1989-го, когда Центральный театр Советской Армии находился на гастролях в Минске, заслуженного артиста РСФСР Константина Федоровича Захарова не стало. Но память о нем жива в сердцах и зрителей, и тех, кому довелось встретиться с Константином Федоровичем в ЦТСА и к тому же удостоиться его помощи в трудных, подчас безвыходных ситуациях, что особенно примечательно. Так как более чем красноречиво свидетельствует о человеческой сущности Захарова, сумевшего в стремлении к вершинам актерского, как правило, располагающего к неизбежным компромиссам ремесла, не растерять своих лучших душевных качеств. А это всегда было редкостью.

Майя ФОЛКИНШТЕЙН

Фотографии предоставлены Музеем ЦАТРА